

УДК 159.9

Т.М. СОРОКИНА¹, С.Н. СОРОКОУМОВА¹, Н.А. ШАМОВА¹

¹*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

СОЦИАЛЬНОЕ СИРОТСТВО. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматривается одна из важнейших проблем современного общества – социальное сиротство, в ее историческом аспекте. В статье исследуется проблема осознания необходимости заботы о детях, оставшихся без попечения родителей и понимания особого статуса ребенка в мире взрослых в разные исторические эпохи. В статье рассматриваются этапы развития отношения общества к данной проблеме – от полного игнорирования обществом данной проблемы до начальных этапов изменения общественного сознания. В исторической перспективе в статье показаны формы узаконенной эксплуатации детей – сирот и социальных сирот в разные исторические эпохи, а также формы защиты интересов детей и законодательно обоснованные права детей на помощь и заботу, на основе анализа ряда исторических источников и литературы.

Ключевые слова. Социальное сиротство, пренебрежение, жестокое обращение, юридические права детей, социальные учреждения, эксплуатация детей.

T. A. SOROCKINA¹, S. N. SOROKOUMOVA¹, N.A. SHAMOVA¹

¹*Minin Nizhniy Novgorod State Pedagogical University, Nizhniy Novgorod, Russian Federation*

SOCIAL ORPHANHOOD. HISTORICAL ASPECTS

Abstract. In this article studies one of the important problem of modern society - social orphanhood, in its historical aspects. In article investigated the huge humans mental problem – orphans children necessity for cares and understanding special children's status in the world in different ages. In this article we study public attitudes development stages of children-care problem – from total ignoring this problem to the first phase of changing of social consciousness. In historical perspective we show different forms of legal orphans and social orphans exploitation in different ages, and besides that different form of protection of children's interests and legally justified rights to help and care.

Keywords. Social orphanhood, neglect and abuse, the legal rights of children, social institutions, children exploitation.

В последние десятилетия в России, в условиях нестабильности социально-экономической и политической жизни, наблюдается устойчивая тенденция роста числа детей-сирот. По данным уполномоченного по правам ребенка при президенте Российской Федерации Павла Астахова в 2012 году в стране насчитывалось 654 тысячи детей и подростков, оставшихся без попечения родителей. Однако лишь 30% этих детей является сиротами в полном смысле этого слова, т.е. детьми, лишившимися единственного или обоих родителей в связи со смертью последних. По официальным данным, более 70% таких детей являются сиротами социальными, т.е. детьми, родители которых живы, однако в силу тех или иных обстоятельств не способны или не хотят заниматься воспитанием ребенка и обеспечением полноценной заботы о нем. Родители таких детей могут быть признаны недееспособными и в силу этого не способными заботиться о своих детях, могут быть лишены родительских прав или же добровольно от них отказаться, социальное сиротство может быть и скрытым, в случае, когда ребенок продолжает жить в семье, но родители не обеспечивают ему должной заботы.

Очевидно, что хотя термин «социальное сиротство», используемый в социологических и психологических науках, и появился во второй половине XX века, социальное сиротство

как явление существовало с момента перехода человека к оседлому образу жизни и возникновению цивилизации.

Если обратиться к истории древнейших государств, то существует возможность рассматривать историю детства на этом этапе развития цивилизации с позиции современной терминологии. Опираясь на определение «ребенок – социальный сирота – это ребенок, имеющий живых родителей, не желающих о нем заботиться», можно проанализировать, например, древнейшие своды законов Месопотамии (свод Законов Хаммурапи, кодекс Ур-Намму, сборник законов Шульги, свод Законов Эшнунны) [16, с. 151-203].

Посредством такого анализа становится очевидна двойственность положения детей, по тем или иным причинам оставшихся без попечения родителей, в государствах Месопотамии. С одной стороны, ребенок, о котором его родители не желали заботиться, мог быть продан в рабство или отдан на время в уплату долга. С другой стороны, если малолетний ребенок, например, терял отца и оставался на попечении одной матери, то государство контролировало передачу матери третьей части имущества покойного супруга, чтобы та могла содержать ребенка до его совершеннолетия. Или же если отец не мог по какой-то причине (чаще всего, из-за несоответствия социального статуса) жениться на матери своего ребенка и непосредственно заботиться о нем, то такой отец обязан был по закону выплачивать содержание своему ребенку и его матери, или отдать им половину своего имущества. Точно так же если мать ребенка умирала, отец брал новую жену и у них появлялись дети, то ребенок от первого брака имел все права на наследство отца после его смерти. Это было справедливо и в отношении детей рабыни от свободного человека, если свободный человек признавал детей рабыни своими [15, с. 20]. Закон стоял на страже интересов детей, оставшихся без отца, даже в ущерб интересам их матери – если мать начинала распродавать вещи, должные составить наследство детей, то проданные вещи изымались у покупателей и возвращались детям. Запрещалось и отцу, почти во всех случаях, лишать своих сыновей наследства, а дочерей приданого.

Можно применять термин «социальное сиротство» и к статьям древнейших законов об усыновлении. В одной из статей кодекса Хаммурапи говорится о том, что если малолетний ребенок, находившийся в небрежении, был кем-то усыновлен и обучен профессии, то такой ребенок не мог быть потребован обратно по иску [15, с. 23]. Очевидно, что речь идет о ребенке – социальном сироте, поскольку ребенок находится в небрежении, однако имеет живых родителей или ближайших родственников, могущих впоследствии предъявить на него права. В следующей статье говорится о том, что если ребёнок, взятый на усыновление, сам захочет вернуться к родителям (т.е. речь опять же идет о ребенке-социальном сироте), то усыновитель не имеет права ему препятствовать.

В письменных источниках по древней истории государств Месопотамии практически нет упоминания о каких-то конкретных формах институциональной социальной защиты детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. До наших дней дошли, в основном, сведения об организации системы школьного образования, упоминание о «декретах» отдельных правителей, требующих брать в школы как можно больше детей, в том числе и не знатного происхождения [8, с. 89], и о провозглашаемых целях государственной политики *«Пусть сильный не обижает вдов и сирот!»*, без конкретных примеров реализации этого принципа на практике.

В отличие от кодексов Месопотамии, в которых есть и ряд статей, защищающих права детей, и определенная защита прав не только детей-мальчиков, но и детей-девочек, и юридическое определение разных возрастов, в древнейших государствах Палестины в законодательстве почти не уделялось внимания детям. В патриархальном обществе ребенок считался собственностью своего отца, частью его движимого имущества, которым тот мог распоряжаться по своему усмотрению. Если обратиться к Библии, как историческому источнику, к той ее части, в которой отражены законы и традиции древнееврейского общества, то можно увидеть, что у ребенка, лишенного родителей или их заботы, не было

никаких прав, никто не стремился защищать его интересы и заботиться о нем. Во множестве скрупулёзных предписаний, норм и законов 2-ой («Исход»), 3-ей («Левит») и 5-ой («Второзаконие») книг Библии, содержатся лишь «напоминания»: *«Ни вдовы, ни сироты не притесняйте... и воспламенится гнев Мой, и убью вас мечом, и будут жены ваши вдовами и дети ваши сиротами»* (Исх.22:22-23), *«Проклят, кто превратно судит пришельца, сироту и вдову!»* (Втор. 27:19), и несколько указаний на формы помощи неимущим: вдовам, сиротам и иным категориям населения, неспособным заботиться о себе самостоятельно. В книгах «Левит» (19:9-10, 23:22) и «Второзаконие» (14:28-29, 24:19, 24:20-21, 26:12) говорится о том, что богатым хозяевам необходимо отдавать часть урожая бедным или же оставлять часть урожая не убранной («оставь край поля твоего несжатым», «забуди на поле снопы», «не собирай все ягоды в винограднике», «обирая масличные деревья, не подбирай упавшего»), дабы те могли сами найти себе пропитание [3]. Однако в библейской же книге Руфи говорится о том, что предписания эти часто не соблюдались, в «Мишне» (сборнике религиозных предписаний и их толкований в ортодоксальном иудаизме) есть упоминания о нежелании хозяев выполнять свой долг по отношению к неимущим слоям населения [1, с. 9].

В притчах же царя Соломона содержится ряд «методических указаний» по воспитанию детей, сводящихся исключительно к порке и иным телесным наказаниям (Еккл. 19:18, 23:13-14, 23:15, 23:24) [3].

До наших дней не дошли письменные и юридические источники по структуре семьи в Финикии и Карфагене, позволяющие создать полную картину семейной жизни, состава семьи, имущественных и других прав в рамках семьи. Известно лишь о том, что в этих государствах существовал обычай рано отсылать детей из дома, заставляя их жить своим трудом. Известно так же о культе человеческих (в первую очередь, детских) жертвоприношений, существовавшем в этих государствах [17, с. 135].

Жертвоприношения детей были частью религии и сопровождались особыми ритуалами. Первенцев знатных фамилий жертвовали Ваалу-Хаммону [17, с. 135], в случае той или иной опасности государству, которую считали следствием гнева богов, и правитель государства, и простые граждане, приносили в жертву собственных детей, сжигая их, чтобы умилостивить богов. Причем значимость культа была столь велика, что люди, не имеющие детей, без всякого принуждения, покупали чужих детей для принесения в жертву. Древнегреческие историки упоминают о том, что знатные люди покупали детей для принесения в жертву у бедняков – свободных людей, не желавших заботиться о собственном потомстве [17, с. 181], и предпочитавших избавляться от него, получая определенную выгоду, в том числе и выгоду «сакрального характера». Поскольку изображения убитых детей часто встречаются на стелах рядом с богами, ученые говорят о возможности обожествления таких детей, т.е. некоей возможности приобщения их семей к этому сакральному чуду.

Впрочем, нужно отметить, что с течением времени культ этот смягчился, и вместо детей (исследования костных останков показывают, что 85% сожженных детей были младше 6 месяцев) [17, с. 180] чаще стали приносить в жертву ягнят, не отказываясь от человеческих жертвоприношений совсем. Известно о том, что карфагенский полководец Ганнибал Барка (247—183 до н. э.) уклонился от принесения в жертву своего сына или чужого ребенка, пообещав богам другие жертвы.

Иное отношение к детям было присуще цивилизации Древнего Египта. Отклоняясь от темы, но все же следует заметить, что искусство Древнего Египта, по сравнению с остальными государствами Древнего мира, дает больше всего памятников скульптуры и живописи, изображающих детей и семейные группы, причем не только знатных детей и семей, но и обычных незнатных детей. Древнегреческих историк и географ Страбон отмечает «удивительный» обычай египтян, которому они придавали большое значение, — выкормить и вырастить всех родившихся детей [11, с. 58]. В определенном смысле продолжением этого обычая может считаться и обычай египтян давать ребенку имя сразу же после рождения. Во многих культурах рожденный ребенок оставался без имени до 2-3 лет,

что объяснялось высокой детской смертностью. В Египте же, вероятно, уровень детской смертности был ниже, чем в других государствах. Кроме того, у египтян была принята регистрация новорожденных у государственных чиновников [11, с.61]. Вплоть до эпохи Среднего Царства (2040 - 1783 до н. э.) основную часть населения Египта составляли свободные граждане – земледельцы и ремесленники. Земледельцы были объединены в общины, ремесленники в профессиональные ремесленные коллегии, и на эти организации ложились функции социальной защиты граждан – община платила долги своих членов, заботилась о вдовах и сиротах. Обучение детей в Древнем Египте проходило, как правило, в школах при храмах (девочек и детей из царской фамилии чаще учили дома) [11, с.63], и шанс на образование мог получить любой юный египтянин, обладающий хорошими способностями, несмотря на традиционную семейную преемственность профессий.

В отличие от Древнего Египта, в Древней Греции детоубийство не считалось нарушением правовых и этических норм. Властью над жизнью и смертью новорожденных детей часто обладали не их родители, а главы общины.

По свидетельству греческого философа и историка Плутарха, граждане Спарты обязаны были приносить своих новорожденных детей на собрание общины, на котором решалось, достоин ли этот младенец стать будущим гражданином Спарты. Ребенка, признанного здоровым, возвращали отцу для дальнейшего воспитания, слабых, больных и физически неполноценных детей, по решению совета, убивали [15, с. 56]. После этого ребенок до семи лет воспитывался в семье (речь идет о детях-мальчиках), после чего, по воле государства, фактически становился социальным сиротой – вместо родителей о нем начинало заботиться государство. Семилетнего мальчика изымали из семьи и помещали в специальный военный отряд, состоящий из его сверстников. Система воспитания спартанских мальчиков строилась на ограничении всех основных потребностей (в одежде, еде, гигиене, теплом жилье и т.д.), постоянных соревнованиях с товарищами, драках, подстрекательстве к воровству еды со стороны старших, дабы научиться стойко переносить лишения, подчиняться командиру и одерживать верх над противником любыми средствами [15, с. 51].

В течение 10 лет ребенок был исключен из сферы интересов своих родителей, и не являлся объектом их заботы и внимания. Это явление, безусловно, можно назвать социальным сиротством в соответствии с узаконенными общественными нормами. В рамках спартанской системы воспитания ребенок имел родителей, которые, однако, не могли и не хотели, в соответствии с идеологией государства, заботиться о нем, перекладывая эту функцию на само государство. При этом нужно отметить, что спартанская воспитательная система, сколь жестокой она не была, была ориентирована лишь на детей полноправных свободных граждан, для остальных сословий являясь особой привилегией.

В греческих городах система образования была мягче, детей не изымали из семьи, и гораздо больше внимания уделяли развитию разума, достигая гармонии физического и умственного. Греческий ребенок из полноправной свободной семьи во время учения жил в семье, хотя и считался фактически собственностью своего отца (в отличие от спартанского ребенка, считавшегося, скорее, собственностью государства), которой тот мог распоряжаться по своему усмотрению [4, с. 149]. В Древней Греции не существовало развитой системы заботы о детях, оставшихся без попечения родителей. Безусловно, о таких детях могли заботиться их родственники, в ряде случаев заботу о ребенке, лишившемся отца и оставшемся на попечении матери, осуществляло и государство.

В Фивах неимущие родители могли отдать детей, о которых они неспособны были заботиться, городским властям, а городские власти были обязаны содержать таких детей за свой счет [6, с. 45]. Или же, если содержание малюток казалось властям экономически нецелесообразным, отдать их на воспитание в другие семьи, где выросшие дети утрачивали социальный статус свободного человека и становились рабами. В Афинах за государственный счет обучали в гимназиях детей (речь идет о мальчиках), отцы которых были убиты на войне, ведшейся за интересы города [4, с. 103]. Достаточно часто

практиковалось и усыновление (в полном смысле этого слова, т.е. речь идет исключительно о мальчиках) в богатые и знатные семьи, с приобретением усыновленным всех прав родного ребенка, поскольку только сын мог приносить необходимые жертвы богам для обеспечения интересов своего отца в загробном мире [6, с. 44].

Однако получить образование и опеку от государства удавалось далеко не всем. Философ Климент Александрийский пишет о последствиях отказа свободных граждан Греции от своих детей: *«Как много отцов, забыв, что они оставили детей, не знают, что вступают в связь со своим сыном, который стал проституткой или дочерью, которая стала блудницей»*. Судьба детей, оставшихся без попечения родителей, не слишком интересовала граждан греческих полисов. В греческих полисах практиковалось так называемое «выставление новорождённых» - лишних, ненужных детей (речь идет в полной мере о социальных сиротах) родители сажали в глиняный горшок и оставляли в людных местах, дабы ребенка мог забрать себе кто-то, кому он (ребенок) был нужен [4, с. 105]. Более чем толерантным, было и отношение древних греков ко всем видам насилия в отношении детей, включая и сексуальное.

Схожее отношение к ребенку было и в Древнем Риме. В древних законах императора Ромула предписывалось воспитывать всех рожденных в семье сыновей, но лишь одну первую дочь [7, с. 44]. Однако в более поздних сводах законов – первом записанном источнике права в Древнем Риме – законах XII таблиц, официально разрешается убийство любого новорожденного ребенка по желанию его отца (Таблица 4, пункт 1). Отцовская власть над жизнью и смертью ребенка в Древнем Риме была незыблемой и освященной традициями. Римляне с гордостью отмечали, что нет людей, которые обладали бы такой властью над своими детьми, какой обладают они [5, с. 339].

Убийство ребенка по воле отца, правда, ограничивалось необходимостью четырех свидетельств свободных граждан Рима о неполноценности ребенка, однако судьба выживших, но не принятых отцом детей, была печальной. Механизм производства социальных сирот в Древнем Риме функционировал вплоть до начала III века н.э. Детей, о которых не желали заботиться их родители, т.е. детей – социальных сирот, если не убивали, то оставляли на перекрестках загородных дорог, где их охотно подбирали работорговцы. Впоследствии, такие дети подвергались сексуальной эксплуатации (особенно в эпоху Позднего Рима) или же им наносились тяжелые телесные повреждения - отрубали руки, уродовали лица, превращая их в цирковых уродцев. Такая практика вовсе не считалась чем-то социально неприемлемым. Один из величайших римских философов Луций Анней Сенека (4 г.до н.э.- 65 г.н.э.) писал, что нет ничего плохого в том, что детям, брошенным родителями, разрезают щеки и отрубает руки, чтобы они вызывали смех и им больше подавали милостыню, потому что такие дети занимаются делом и самостоятельно зарабатывают себе на жизнь [7, с. 43,45,51].

Некоторые изменения в сложившемся положении стали происходить лишь во второй половине I века н.э. В это время общество стало интересоваться правами детей, оставшихся без попечения родителей и начало рассматривать подобную ситуацию как неприемлемую. Например, в учебнике ораторского искусства Марка Фабия Квинтилиана (римского ритора I века н.э.) в упражнениях по ораторскому искусству для римских школьников неоднократно предлагается выстраивать систему доводов в защиту детей, от которых отрекся отец или детей, лишенных наследства. При императоре Марке Нерве (годы правления: 97-98 гг. н.э.), прозванном «Первым из пяти хороших императоров», были созданы благотворительные учреждения для детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [20]. Учреждения эти назывались «Alimenta» и «Stipendium», и традицию их создания продолжили следующие императоры – Траян (годы правления: 98—117гг. н.э.), Септимий Север (193 – 211 г.г. н.э.), Александр Север (222-235 гг.н.э.). Функциями данных учреждений были содержание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и раздача безвозмездной материальной помощи.

Вскоре после легализации христианства Миланским эдиктом (313 г. н.э.) императора Константина Великого убийство детей в Римской империи стало считаться уголовно наказуемым преступлением (с 374 г. н.э.). Однако практически это не повлекло за собой серьезного изменения в положении детей на территории Римской империи и, впоследствии, варварских государств. Начавшийся после падения Западной Римской империи (476 г. н. э.) регресс во всех сферах общественной жизни, привел к ужесточению нравов, росту детской смертности и равнодушию к судьбе детей.

По мнению известных французских историков Филиппа Арьеса и Жака Ле Гофа, в средневековье не существовало понятия детства как такового. Причины этого связаны с нестабильностью средневекового общества – общества, *«терзаемого страхом голода и слишком часто самим голодом»*, а так же практически полным отсутствием медицинской помощи, и как следствие, высочайшей детской смертностью. Ребенок в средневековье слишком часто умирал, не дожив и до 7-10 лет (около трети детей не доживало до пятилетнего возраста, и около 10% детей умирало, не дожив до месяца), и средневековое общество *«едва замечало его, не имея времени ни умиляться, ни восхищаться им»* [10, с. 349]. Если же ребенку, прошедшему свое недолгое детство в небрежении со стороны родителей, удавалось выжить, его немедленно приобщали к изнурительному сельскому труду или обучению ратному делу. Можно говорить о том, что средневековое общество сделало шаг вперед по сравнению с узаконенной жестокостью по отношению к детям, процветавшей в древности. Но пока еще не было сделано ни одного шага на пути к признанию ценности ребенка и безусловной необходимости заботы о нем.

Социальное сиротство было широко распространено в Средние Века. В крестьянских семьях ребенок достаточно часто проводил детство и юность рядом с родителями, если те были живы. В семьях же знатных и семьях горожан - ремесленников ребенка, вышедшего из раннего детского возраста, часто отсылали из дома на долгие годы. Мальчиков из знатных семейств отправляли к более богатым родственникам или соседям для обучения воинской науке, службы пажами у своих будущих сеньоров или же в качестве заложников, бесправных участников политических интриг своих отцов. Мальчиков из семей горожан отдавали в ученичество к мастерам-ремесленникам. В ряде средневековых законов оговаривается, что мальчик не может быть учеником своего отца, и должен обучаться премудростям ремесла у другого мастера, причем часто в обязанности этого мастера входит не только обучение ребенка, но и регулярные телесные наказания. Девочки из знатных и богатых семей получали образование дома, т.е. находились все детство и отрочество рядом с родителями, а девочек из крестьянских семей часто отдавали с юного возраста в услужение более богатым соседям, т.е. фактически превращали в социальных сирот.

В эпоху Средневековья в Европе, безусловно, существовало определенное количество приютов для сирот, некоторые функции социальной опеки детей реализовывались при монастырях, но политика призрения сирот и детей, оставшихся без опеки родителей, была направлена, в первую очередь, не на удовлетворение интересов самих детей, а на удовлетворение благочестия правящих классов. Знатный сеньор средневековья или церковный деятель жертвовал на благотворительность, заботясь не о тех, кто испытывал в этом потребность, а о собственном очищении от грехов и спасении своей души. Ребенок, таким образом, выступал не собственно объектом помощи, а лишь субъектом удовлетворения духовных нужд жертвователя.

Да и с учетом этого, количество приютов для детей в Средневековой Европе было незначительным. В 787 году епископ Даттей основал в Милане первый детский приют, в котором содержались дети от младенчества до восьмилетнего возраста, однако за следующие три столетия в Европе появилось лишь три подобных приюта. В 1198 году папа Иннокентий III учредил в Ватикане приют для новорожденных детей-подкидышей на 600 человек, поскольку узнал о большом количестве мертвых младенцев, вылавливаемых из Тибра рыбаками, и в XIII веке в Италии действовало более двадцати таких приютов. В 1362 году

был открыт первый детский приют в Париже. В Германии вплоть до 16 века приюты для детей существовали лишь в трех городах - Лайбахе, Нюрнберге и Трире. Кроме того, помимо незначительно количества таких учреждений, в них была еще и высочайшая детская смертность – до 75% от общего числа поступивших новорожденных детей [20, Т.7, с. 274-275]. Только в XVIII веке в Европе начинает появляться система воспитательных домов для сирот, охватывающая достаточно большое число детей.

Однако прежде появления развитой системы заботы о детях, оставшихся без опеки родителей, в Европе возникла определенная форма воспитания детей, связанная с депривацией всех детско-родительских отношений. Речь идет об укоренившейся в Европе до конца XVIII века практике не просто передачи новорожденного ребенка кормилице, но об отсылке ребенка вместе с кормилицей из дома родителей. По данным американского исследователя Ллойда Демоза в 1780 году в Париже ежегодно рождалось около 21 тысячи детей, из которых 17 тысяч отправлялись вместе с кормилицей в деревню, около 2 тысяч в приюты для младенцев, примерно 700 детей воспитывались кормилицами в доме своих родителей и около 700 детей воспитывали и кормили сами матери [7, с. 57]. Общие принципы отношения к ребенку на основе такой статистики вполне очевидны. При этом Демоз отмечает, что родителям было прекрасно известно о том, что смертность младенцев, удаленных с кормилицей из родительского дома, была много выше смертности детей, воспитывавшихся в семье, однако и после смерти двух-трех младенцев родители продолжали посылать своих детей к кормилице. Естественно, услуги кормилицы оплачивались родителями ребенка, т.е. это было проявлением определенной заботы со стороны родителей ребенка, однако такую форму воспитания вполне можно считать социальным сиротством, ввиду полного равнодушия родителей к своим детям и нежелания лично участвовать в процессе их воспитания. В результате реализации данной системы воспитания психологический и эмоциональный контакты родителей с ребенком, были минимальными, и немногие родители стремились к их расширению.

В XVII веке появился новый тип социальных учреждений, обеспечивающих определенную заботу о детях, родители которых не способны были заниматься их воспитанием. Речь идет о системе работных домов в Англии – благотворительных учреждениях, предоставлявших беднякам кров и еду, в обмен на их труд и подчинение строгому внутреннему распорядку. По сути, работный дом представлял собой аналог тюрьмы, лишь с незначительно смягченными условиями существования. В работный дом могли попасть и дети – сироты (именно в работном доме оказался герой романа Чарльза Диккенса Оливер Твист), и дети, имеющие родителей. Такие дети могли поступить в работный дом вместе с родителями, однако там их разделяли, и родители могли видеться со своими детьми лишь днем в течение непродолжительного времени. В работных домах детей учили навыкам письма и счета, однако большую часть времени они работали вместе со взрослыми, нередко подвергаясь телесным наказаниям.

Вообще же, в Англии вплоть до 1833 года дети работали наравне со взрослыми во всех отраслях промышленности по 12 и более часов в день. В 1833 году был принят закон, запрещающий детям младше 13 лет работать больше 8 часов в день, а в 1842 году было запрещено нанимать на работу детей младше 10 лет [9,121]. Данный закон выносился на обсуждение в Парламенте, начиная с 1810 года, однако понадобилось больше тридцати лет, чтобы общество осознало необходимость его принятия. Однако еще более семидесяти лет никакие законы не регламентировали сферы деятельности, в которых применялся детский труд. Поэтому дети, начиная с четырехлетнего возраста, трудились помощниками трубочистов – специфические условия труда в этой профессии рано вызывали раковые заболевания, получали отравления свинцом и мышьяком, содержащимися в разнообразных красителях, повсеместно применявшихся в промышленности, заболевали туберкулезом, работая в угольных шахтах и текстильных фабриках [9, с.121]. Одним из распространенных заболеваний в викторианской Англии был некроз челюстей у работников, занимавшихся

изготовлением спичек с использованием белого фосфора. Работа эта была несложной, не требующей специальной квалификации, поэтому очень часто изготовлением спичек занимались дети, особенно девочки [9, с. 126].

Подобные английским работным домам воспитательные учреждения были и во Франции. Особое внимание устройству воспитательных домов уделяли Людовик XIV и Наполеон I, поскольку видели в детях, выросших в таких учреждениях, идеальные будущие кадры для армии и флота.

Лишь в XIX веке на смену суровой дисциплине работных домов, продиктованной интересами общества, а не ребенка, приходит понимание необходимости более гуманных путей решения проблемы сиротства. В XIX веке начинают создаваться филантропические общества и организации, озабоченные судьбой самих детей и желающие создать более гуманную воспитательную и образовательную среду для них. В Англии одним из самых известных филантропов XIX века был врач Томас Джон Бернардо, создавший систему приютов для мальчиков и девочек, существующую на частные пожертвования. В приютах Бернардо воспитывались и дети-сироты, которых его помощники находили на улицах, и дети - социальные сироты, которых приводили в приюты родители. В приютах Бернардо дети получали начальное образование и простые рабочие профессии.

Во многих других странах Европы альтернативой воспитанию в приюте было воспитание в семьях. В скандинавских странах – Дании, Швеции, Норвегии, а также в Польше детей предпочитали отдавать на воспитание в семьи, и воспитательные учреждения осуществляли лишь функции приема, распределения и некоторого контроля над дальнейшим существованием детей. Смешанная система попечительства существовала в Германии.

В начале XX века в Европе появляются воспитательные учреждения, созданные на принципах абсолютной ценности детства и осознании необходимости самостоятельности для воспитанников. Самые известные из таких учреждений – сиротский дом «Прево», созданный во Франции педагогом Полем Робеном, а также «Дом сирот» и «Наш дом» – воспитательные учреждения в Варшаве, директором которых был известный врач, педагог и писатель Януш Корчак.

В первой половине XX века в Европе проблемы сиротства и социального сиротства, наконец, превратились в проблему не национального, а международного характера. В 1924 году Пятой Ассамблеей Лиги Наций была принята Женевская декларация прав ребенка, состоящая из пяти основных принципов гуманного отношения к детям. В 1954 при ООН был образован Детский фонд (ЮНИСЕФ), который стал главным механизмом международной помощи детям, а в 1959 году Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация прав ребенка.

История заботы о детях, оставшихся без попечения родителей, в России начинается позже, чем в Европе. Первые сведения о самом признании существования проблемы детей-сирот относятся ко временам правления Великого киевского князя Владимира I Святого (годы правления: 970-1015). Владимир возлагал призрение бедных и детей-сирот как значимое богоугодное дело на церковь, поэтому, с принятием христианства и появлением на Руси монастырей и храмов, именно там призревались дети-сироты [14, с.22]. Кроме того, функцию заботы о таких детях, естественно, выполняла и родовая община.

В ранних литературных памятниках Киевской Руси («Поучение» Владимира Мономаха, XII век) одновременно с призывами к заботе о сиротах и необходимости раздачи щедрой милостыни: *«Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего.. Сего же более убогих не забывают, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте, и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить... милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра»*, появляются и наставления о пользе беспрекословного послушания и физических наказаний для детей: *«... как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе», «...старшим покорятся...стыдиться старших»*.

Первое же воспитательное учреждение на Руси создается в годы правления князя Ярослава Мудрого (князь киевский с 1016 по 1054 гг.). Ярославом было учреждено сиротское училище, в котором за княжеский счет содержалось 300 юношей. В «Русской правде» – своде законов Киевской Руси, составленном в годы княжения Ярослава, определенное внимание уделяется законодательному обеспечению имущественных прав как детей вообще, так и «детей малых», т.е. неспособных самостоятельно заботиться о себе. В законах регламентируются принципы наследования, принципы разделения наследства на части, вводится наказание за растрату наследства несовершеннолетних (пользуясь современной терминологией) их опекунами, и регламентируется положение детей, рожденных от родителей с разным социальным статусом.

Однако вплоть до начала царствования царя Ивана IV Грозного (годы правления: 1547-1584) призрение детей-сирот не входило в задачи государственного управления, осуществляемого с помощью административных учреждений-приказов, продолжая осуществляться частными лицами, семьей или монастырями. Первое упоминание о необходимости профессиональной заботы о детях-сиротах встречается в решении Первого Земского Стоглавого Собора (1551), согласно которому духовные лица были обязаны открывать при церквях школы для «учения грамоте, и на учение книжного письма и церковного пения псалтырного», а для сирых и немощных создавать богадельни. Такое объединение сил церкви и государства означало практическое единение в духовно-нравственном и светском образовании детей, а так же признание важности проблемы призрения сирот [14, с.24].

Следующим важным шагом в оказании помощи детям, оставшимся без попечения родителей, стало открытие сиротских домов и определение их в ведение Патриаршего приказа (центральное учреждение Московской патриархии, ведавшее патриаршими вотчинами и хозяйством) в царствование Михаила Федоровича Романова (годы царствования: 1613-1645). Позже, в годы царствования Алексея Михайловича (годы царствования: 1645-1676) в «Кормчей книге» (сборнике церковных и светских законов, являвшихся руководством при управлении церковью и в церковном суде) появляются статьи об общественном призрении, а патриархом Никоном устраивается первый не монастырский приют для сирот в Великом Новгороде. Однако нужно заметить, что приют этот был рассчитан только на детей-сирот, и дети, имеющие родителей, например, незаконнорожденные, на воспитание туда не могли быть определены.

Вообще же принципы отношения к детям в семье, и тем более вне ее, в этот период времени, отражены в реформированном своде законов – «Соборном уложении» 1649 года, опирающимся в свою очередь на принципы «Домостроя». Относительно воспитания детей «Домострой» советует следующее: *«... учить страху божию и вежливости, и всякому порядку. А со временем, по детям смотря и по возрасту, учить их рукоделию, отец – сыновей, а мать – дочерей, кто чего достоин, какие кому Бог способности даст. Любить и хранить их, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а не то, разобравшись, и поколотить. Наказывай детей в юности – упокоят тебя в старости твоей... Если же из таковых какое дитя и возьмет Бог после покаяния и с причащением, тем самым родители приносят Богу непорочную жертву... Наказывай сына своего в юности его, и упокоит тебя в старости твоей, и придаст красоты душе твоей. И не жалей, младенца бия: если жезлом накажешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Любя же сына своего, учащай ему раны – и потом не нахвалишься им. Наказывай сына своего с юности и порадуешься за него в зрелости его, и среди недоброжелателей сможешь им похвалиться. Воспитаи детей в запретах и найдешь в них покой и благословение... Так не дай ему воли в юности, но пройдишь по ребрам его, пока он растет»* [19].

Следующий шаг в развитии системы заботы о детях, оставшихся без попечения родителей, мог бы в значительно степени улучшить положение детей на Руси, если бы был

совершен в соответствии с изначальными планами. В 1682 году был подготовлен проект указа об устройстве на казенный счет церковно-государственных благотворительных учреждений для больных, нищих и сирот, из числа которых выделялись безродные нищие дети. В основе указа лежала идея параллельного образования и обучения полезному ремеслу ребенка, попавшего в это учреждение. Однако на практике указ не был реализован, и дело ограничилось лишь передачей частным лицам и церковным учреждениям беспризорных детей фактически для бесплатной работы в обмен на еду и кров.

Дальнейшее развитие система государственной заботы о детях-сиротах получает в царствование императора Петра I. В 1706 году новгородский митрополит Иов строит при Холмово-Успенском соборе по собственной инициативе и за счет церкви «сиропитательный дом» для незаконнорожденных брошенных детей, т.е. детей – социальных сирот в современной терминологии. В 1715 году Петр приказал в Москве и в других городах, подле церковных оград, устроить госпитали, в Москве каменные, а в других городах деревянные и «объявить указ, чтобы зазорных младенцев в непристойные места не отмывали, но приносили бы к вышеозначенным гошпиталиям и клали тайно в окно через какое закрытие, дабы приносимых лиц не было видно». Дети обеспечивались государством, и в казне были предусмотрены средства на содержание детей и обслуживающих их людей. Число таких младенцев постоянно возрастало. Когда дети подрастали, то мальчиков отдавали на обучение к какому-нибудь мастеру или в матросы, а девочек отправляли к кому-нибудь в услужение и, по возможности, выдавали замуж. Если в последствии они подвергались болезням или увечью, или впадали в помешательство, то могли возвращаться в приюты, как в родительские дома [20, Т.7. с. 276].

В послепетровскую эпоху созданные им приюты стали закрываться один за другим и лишь в царствование Екатерины II дело заботы о детях – сиротах вновь стало важной частью государственной политики. 21 апреля 1764 года состоялось открытие И.И. Бецким Императорского Воспитательного дома. Создание этого учреждения имело целью не только призрение детей - сирот и заботу об их физическом выживании, но и создание в некотором смысле «нового рода» человека, «человека будущего», лишенного всех тех недостатков, которые приобретал ребенок в процессе традиционного воспитания. В документах, регламентирующих деятельность приюта, особо упоминаются дети – социальные сироты, т.е. законнорожденные дети, оставленные родителями «по бедности». Таковых детей было примерно 3-6% от общего числа подкинутых детей (например, в 1881 году незаконнорожденных детей – 8458, законных – 541; в 1890 году незаконнорожденных – 9209, законных – 369). К сожалению, задаче создания «нового» человека серьезно мешал уровень смертности новорожденных в Воспитательном доме, составлявший до 75% для детей в возрасте до 1 года, и до 90% для всех воспитанников дома Бецкого (т.е. до 20 –летнего возраста доживало 10 детей из 100 неумерших во младенчестве) [20, Т.7. с. 277-278].

Следующий этап в развитии учреждений общественного призрения связан с деятельностью императрицы Марии Федоровны (супруги императора Павла I). Ведомство императрицы Марии ввело ряд изменений в управление системой детских приютов, с целью снизить уровень смертности среди воспитанников этих заведений, но видимых успехов на этом поприще так и не было достигнуто, и детская смертность в приют продолжала оставаться высокой. В дальнейшем, в XIX веке, система заботы о детях – сиротах и социальных сиротах продолжала если и не совершенствоваться, то хотя бы видоизменяться, имея целью улучшение условий существования таких детей, однако действительно серьезные видимые результаты были достигнуты лишь в 30-е годы XX века.

В истории социального сиротства государство, чаще всего, является силой, обеспечивающей заботу о детях-социальных сиротах, ввиду неспособности их родителей обеспечивать таковую. Однако существуют и исторические прецеденты, в которых роль государства не столь однозначна. Речь идет об узаконенной практике изъятия детей из

полноценных семей коренных жителей некоторых территорий в Австралии и СССР, и в меньшем масштабе в Канаде и Гренландии, и превращению их в социальных сирот государством вопреки желанию родителей.

В Австралии государственную программу изъятия детей из семей австралийских аборигенов и аборигенов островов Торресова пролива, осуществляли федеральные органы власти, учреждения власти на уровне штатов и церковные миссии на основании парламентских законов в период с 1869 по 1970-е годы. В соответствии с данной программой, дети аборигенов насильственно изымались из семей и передавались под опеку государства. Такие дети воспитывались в интернатных учреждениях, в соответствии с христианской этикой, обучались некоторым видам ремесел, но полностью утрачивали свой родной язык, традиции и навыки жизни в исторически сложившейся среде. Результатом этого являлась неспособность детей аборигенов вернуться, после выхода из интернатного учреждения, в свою родную среду, и, одновременно, неспособность интегрироваться в среду колонизаторов, ввиду принадлежности к «неполноценной» расе.

Данная программа получила название «Stolen Generation» («Украденное поколение») или Stolen Children («Украденные дети»), и на сегодняшний день многими учеными и политиками признана геноцидом коренных народов Австралии. В 2008 году премьер-министр Австралии принёс аборигенным народам официальные извинения за подобную политику правительства в прошлом, хотя многие консервативные политики так и не признали ошибочность данных мер в отношении детей аборигенов, оправдывая необходимость существования программы исключительной заботой о благе коренного населения [21].

В СССР подобная практика интернатного воспитания детей, начиная с 20-х годов XX века и до сегодняшнего дня, применяется к коренным малым народам Севера, Сибири и Дальнего Востока. Коренными малыми народами Севера, Сибири и Дальнего Востока называются народы численностью менее 50 тысяч человек, проживающие в северных России, Сибири и российского Дальнего Востока, на территориях традиционного расселения своих предков, и сохраняющих традиционный образ жизни, ведения хозяйства, промыслы, традиции и языки. К таким народам относятся алеуты, долганы, ительмены, кеты, коряки, манси, нанайцы, нивхи, саамы, эвены и эвенки, чукчи, эскимосы и другие народы [13]. Система интернатного воспитания детей малых народов Севера считалась единственной возможной системой образования и воспитания в Советском Союзе. И если изначально данная система образования применялась лишь к кочевым народам, то начиная с 1950-х годов, ВСЕ дети малых народов Севера, включая детей и из оседложивших семей, были обязаны обучаться в интернатах. При этом дети не могли носить привычную одежду и должны были одеваться в традиционную советскую школьную форму, не могли питаться привычными продуктами – в школе их кормили обычной, регламентированной ГОСТами едой, обучение и общение с детьми велось только на русском языке.

Изъятые из полноценных семей дети, около десяти месяцев в году проводили вне семьи и родных кочевий, и видели своих родителей и родственников лишь во время летних каникул [12]. Такая система воспитания и образования, естественно, не могла не вызывать исчезновения традиций, языков и традиционного уклада жизни малых народов Севера. Выросшие в интернатах дети, чаще всего не возвращались в родные кочевья после окончания школы, но, как правило, не могли и интегрироваться в городскую советскую культуру. Все эти проблемы описывались как учеными-этнографами, так и советскими писателями.

Негативное отношение старшего поколения малых народов Сибири к интернатному воспитанию детей и подростков неоднократно описывал своих произведениях писатель и инженер-геодезист Г.А. Федосеев, проведший большую часть своей жизни в экспедициях по Восточной Сибири и Дальнему Востоку. Романы Г.А. Федосеева являются художественными произведениями, написанным, однако, с высочайшей степенью

достоверности, документализации и детализации описываемых событий, явлений и персонажей. В совершенно ином ключе, с определенной степенью идеализации и романтизации событий и героев, создана повесть другого советского автора «Дикая собака Динго или повесть о первой любви». Однако даже в этом произведении эвенкийский мальчик Филька Боголюбский, обучающийся в обычной советской школе, но пытающийся при этом сохранять традиции своего народа и видящийся в течение учебного года со своим отцом, продолжающим кочевать, показан как человек между двух культур, по-настоящему не принадлежащий ни к одной из них. Привычки и обычаи Фильки вызывают интерес у других героев романа, однако Филька всегда оказывается вне сложившихся групп, не имеет друзей, и всегда оказывается не таким как другие.

Все эти проблемы, связанные с воспитанием и образованием детей малых народов Севера, сохраняются и в наши дни. С одной стороны, государство тратит огромные средства на организации интернатов для детей представителей малых народов Севера, и даже просто на доставку детей в этих интернаты из родных стойбищ (ежегодно в одном только Ямало-Ненецком автономном округе на вертолетную доставку детей из отдаленных стойбищ тратится более 50 миллионов рублей), создаются новые формы школ, так называемые «кочевые школы», в которых педагоги (2-3 человека) кочуют вместе с семьями охотников и оленеводов, обучая детей без отрыва от семьи. Но с другой стороны, качество образования в таких школах оставляет желать лучшего, а традиционное образование в интернатах отрывает детей от традиций, делает неуправляемыми и, ввиду сочетания отсутствия родительского контроля и особенностей физиологии малых народов Севера, способствует широкому распространению алкогольной и наркотической зависимостей. Опасаясь таких последствий, родители предпочитают не отдавать вообще своих детей в школы-интернатного типа, или же забирают их оттуда после двух-трех лет обучения. Например, школу-интернат для детей малых народов Севера в г. Дудинка (административный центр Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района) в 2010 году окончило лишь 3 ребенка из 20 зачисленных в класс [13].

Все эти проблемы входят в сферу внимания уполномоченного по правам ребенка при президенте РФ Павла Астахова, однако на сегодняшний день не существует способов их быстрого и эффективного решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амусин И.Д. Проблемы социальной структуры обществ древнего Ближнего Востока (I тысячелетие до н.э.) по библейским источникам: Сборник статей. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 155с.
2. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке/Пер. с фр. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. 416 с.
3. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. М.: Российское библейское общество, 2002.
4. Бюттен А. – М. Классическая Греция. М.: Вече, 2006. 384с. («Гиды цивилизаций»).
5. Велишский Ф. История Цивилизации: Быт и нравы древних греков и римлян. М.: «Эксмо- пресс», 2000. 704с.
6. Гиро П. Быт и нравы древних греков. Смоленск: Русич, 2000. 624с. («Популярная историческая библиотека»).
7. Де Моз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. 512с.
8. Емельянов В.В. Древний Шумер. Очерки культуры. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2001. 368с. («Мир Востока», VII).
9. Коути Е. Недобрая старая Англия. СПб.: БХВ – Петербург, 2013. 320 с. («Окно в историю»).

10. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада/ Пер. с фр. Под общ. ред. В.А. Бабинцева; Послесловие А.Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 568с. (Серия «Великие цивилизации»).
11. Монтэ П. Египет Рамзесов. Повседневная жизнь Египтянина во времена великих фараонов. // Серия «По следам исчезнувших культур Востока». М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1989. 376с.
12. Народы России. Атлас культур и религий. М.: Дизайн, Информация. Картография, 2009. 256 с.: с илл.
13. Официальный сайт Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации// <http://raipon.info/>.
14. Повshedный А.В. Педагогические основы профилактики безнадзорности и беспризорности подростков. Монография. Нижний Новгород: НГПУ, 2010. 123с.
15. Практикум по истории Древнего мира: под редакцией проф. Е.А. Молева. Нижний Новгород: ННГУ, 2004. 106с.
16. Хрестоматия по истории Древнего Востока. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 400 с.
17. Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. 287 с. («Культура народов Востока»).
18. Циркин Ю.Б. От Ханаана до Карфагена. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2001. 528с. («Классическая мысль»).
19. Чумакова Т.В. Человек и его мир в «Домострое» // Чумакова Т. В. «В человеческом жителъстве мнози образы зрятся». Образ человека в культуре Древней Руси. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. 2001. 242с.
20. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза - И.А. Ефрона. Репринтное воспроизведение издания 1890 года. К 100-летию выхода в свет 1-го издания 1890-1990 гг. Ярославль: Издательский центр «Терра», 1991. Т.7. 480 с. Т.21 466с.
21. Stolen Generation// https://en.wikipedia.org/wiki/Stolen_Generations.

REFERENCES

1. Amusin I.D. *Problemy social'noj struktury obshhestv drevnego Blizhnego Vostoka (I tysjacheletie do n.je.) po biblejskim istochnikam: Sbornik statej*. [Ancient Middle East social structure problems (I m. BC): based on biblical sources. Digest of articles.]. Moscow: Nauka Publ., 1993. 155p. (In Russian).
2. Aries F. *Child and family at the old order* (Russ.ed.: Aries F. Rebenok i semejnaja zhizn' pri starom porjadke). Ekaterinburg: Ural University Publ., 1999. 416 p. (In Russian).
3. Biblija. *Knigi svjashhennogo pisanija Vethogo i Novogo zaveta. Kanonicheskie*. [Holy Bible. The Books of the Old and the New Testament. Canonical books] Moscow: Rossijskoe biblejskoe obshhestvo, 2002. (In Russian).
4. Bjutten A. – M. *Classical Greece*. (Russ.ed.: Bjutten A. – M. Klassicheskaja Grecija). Moscow: Veche Publ., 2006. 384p. (In Russian).
5. Velishskij F. *History of civilization: life and mores of the ancient Greeks and Romans*. (Russ.ed.: Velishskij F. Istorija Civilizacii: Byt i nrawy drevnih grekov i rimljan). Moscow: EXMO – press Publ., 2000. 704p. (In Russian).
6. Giro P. *Life and mores of the ancient Greeks* (Russ.ed.: Byt i nrawy drevnih grekov). Smolensk: Rusich Publ., 2000. 624p. (In Russian).
7. De Moz L. *Psychohistory* (Russ.ed.: De Moz L. Psihoistorija). Rostov-na-Donu: Feniks Publ., 2000. 512p. (In Russian).
8. Emel'janov V.V. *Drevnij Shumer. Ocherki kul'tury*. [The ancient Sumerians: culture essays]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2001. 368p. (In Russian).
9. Kouti E. *Nedobraja staraja Anglija*. [Cruel Old England]. St. Petersburg: BHV – Peterburg Publ., 2013. 320 p. (In Russian).

10. Le Goff J. *Medieval West civilization* (Russ.ed.: Le Goff J. *Civilizacija srednevekovogo Zapada*). Ekaterinburg: U-Faktorija Publ., 2005. 568p. (In Russian).
11. Monte P. *Ramesses Egypt. Egyptian everyday life in the great Pharaohs times* (Russ.ed.: Monte P. *Egipet Ramzesov. Povsednevnaia zhizn' Egipctjanina vo vremena velikih faraonov*). Moscow: Nauka Publ., 1989. 376p. (In Russian).
12. *Narody Rossii. Atlas kul'tur i religij*. [Russian peoples: atlas of cultures and religions]. Moscow: Dizajn, Informacija. Kartografija Publ., 2009. 256 p. (In Russian).
13. *Oficial'nyj sajt Associacii korennyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossijskoj Federacii* [Official site of the association of indigenous minorities peoples of the Russian Federation North, Siberia and Far East]. Available at: <http://raipon.info/>. (In Russian).
14. Povshednyj A.V. *Pedagogicheskie osnovy profilaktiki beznadzornosti i besprizornosti podrostkov*. [Teenagers neglect and homeless: prevention pedagogical bases]. Nizhnij Novgorod: NGPU Publ., 2010. 123p. (In Russian).
15. *Praktikum po istorii Drevnego mira* [Ancient world: practical workbooks]. – Nizhnij Novgorod: NNGU Publ., 2004. 106p. (In Russian).
16. *Hrestomatija po istorii Drevnego Vostoka* [Ancient east history: chrestomathy]. Moscow: Vostochnaja literatura Publ., 1997. 400 p. (In Russian).
17. Cirkin Ju. B. *Karfagen i ego kul'tura* [Carthage culture]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 287 p. (In Russian).
18. Cirkin Ju.B. *Ot Hanaana do Karfagena*. [From Canaan to Carthage]. Moscow: AST Publ., 2001. 528p. (In Russian).
19. Chumakova T.V. *Chelovek i ego mir v «Domostroe»* // Chumakova T. V. «V chelovecheskom zhitel'stve мнози образы зрjatsja». *Образ человека в культуре Древней Руси*. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo. 2001. 242p. (In Russian).
20. *Jenciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza - I.A. Efrona*. Reprintnoe vosproizvedenie izdanija 1890 goda. [F.A. Brockhaus and I.A. Efrona Encyclopedic Dictionary. Reprint copy by 1890 edition]. Yaroslavl: Terra Publ., 1991. Vol.7. 480 p. Vol.21 466p. (In Russian).
21. *Stolen Generation*// https://en.wikipedia.org/wiki/Stolen_Generations. (In English).

© Сорокина Т.М., Сорокоумова С.Н., Шамова Н.А., 2016

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сорокина Татьяна Михайловна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики дошкольного и начального образования, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: kp_v_334@mail.ru.

Сорокоумова Светлана Николаевна – доктор психологических наук, профессор кафедры специальной педагогики и психологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: kp_v_334@mail.ru.

Шамова Надежда Александровна – соискатель кафедры психологии и педагогики дошкольного и начального образования, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет) Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: sh-h-h@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sorockina Tatyana Mickailovna – doctor of psychology, professor, department of psychology and pedagogy of preschool and primary education, Minin Nizhnij Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhnij Novgorod , Russian Federation e-mail: kp_v_334@mail.ru.

Sorokoumova Svetlana Nikolaevna - doctor of psychology, professor, department of special pedagogy and psychology, Minin Nizhnij Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhnij Novgorod, Russian Federation e-mail: kp_v_334@mail.ru.

Shamova Nadezda Aleksandrovna - graduate student, department of psychology and pedagogy of preschool and primary education, Minin Nizhnij Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhnij Novgorod, Russian Federation e-mail: sh-h-h@yandex.ru.